

Тургенев Иван Сергеевич

Три новые повести

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Три новые повести / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 150 с.

ISBN 978-5-519-77938-8

Содержание: I. Пунин и Бабурин. II. Живые мощи. III. Наши послали!

ISBN 978-5-519-77938-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПУНИНЪ И БАБУРИНЪ.

РАЗСКАЗЪ

ПЕТРА ПЕТРОВИЧА Б.

... Я теперь и старъ, и боленъ — и чаще всего размышляю о смерти, съ каждымъ днемъ болѣе близкой; рѣдко думаю о прошедшемъ, рѣдко устремляю назадъ мой духовный взоръ. Лишь иногда — зимой, сидя неподвижно передъ пылающимъ каминомъ; лѣтомъ, расхаживая тихимъ шагомъ по тѣнистой аллеѣ — припоминаю я минувшіе годы, событія, лица; но не на зрѣлой порѣ моей жизни и не на молодости останавливаются тогда мои мысли. Онѣ переносятъ меня либо въ ранее дѣтство, либо въ первое отроческое время. Вотъ и теперь: я вижу себя въ деревнѣ у моей строгой и гнѣвной бабушки — мнѣ всего двѣнадцать лѣтъ — и возникаютъ въ моемъ воображеніи два существа...

Но стану рассказывать по порядку и въ связи.

І.

[1830]

Старый лакей Филиппычъ вошелъ, по обыкновенію, на ципочкахъ, съ повязаннымъ въ видѣ розетки галстукомъ, съ крѣпко стиснутыми —

„чтобы не отдавало духомъ“ — губами, съ сѣденькимъ хохолкомъ на самой серединѣ лба; вошелъ, поклонился и подаль на желѣзномъ подносѣ моей бабушкѣ большое письмо съ гербовой печатью. Бабушка надѣла очки, прочла письмо. . . .

— Самъ онъ тутъ? спросила она.

— Чего изволите? робко проговорилъ Филиппычъ.

— Безтолковый! Тотъ, кто привёзъ письмо — тутъ?

— Тутот-ка, тутот-ка... Въ конторѣ сидитъ.

Бабушка погремѣла своими янтарными чётками... — Вели ему явиться... А ты, сударь, обратилась она ко мнѣ — сиди смирно.

Я и такъ не шевелился въ своемъ уголку, на присвоенномъ мнѣ табуретѣ.

Бабушка держала меня въ ежовыхъ рукавицахъ!

Минутъ пять спустя вошелъ въ комнату чело-
вѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, черноволосый, смуглый,
съ широкоскулымъ рябымъ лицомъ, крѣпчатымъ
носомъ и густыми бровями, изъ-подъ которыхъ
спокойно и печально выглядывали небольшіе сѣрые
глаза. Цвѣтъ этихъ глазъ и выраженіе ихъ не
соотвѣтствовали восточному складу остального лица.

Одѣтъ былъ вошедшій челоѡкъ въ степенный, долгополый сюртукъ. Онъ остановился у самой двери и поклонился — одной головою.

— Твоя фамилія Бабуринъ? спросила бабушка и тутъ же прибавила про себя: „П а l'air d'un arménien“.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ тотъ глухимъ и ровнымъ голосомъ. При первомъ словѣ бабушки: „твоя“ — брови его слегка дрогнули. Ужъ не ожидалъ ли онъ, что она будетъ его „выкать“, говорить ему: вы?

— Ты русскій? православный?

— Точно такъ-съ.

Бабушка сняла очки, и окинула Бабурина медлительнымъ взоромъ съ головы до ногъ. Онъ не опустилъ глазъ и только руки за спину заложилъ. Собственно меня больше всего интересовала его борода: она была очень гладко выбрита, но такихъ синихъ щекъ и подбородка я отроду не видывалъ!

Яковъ Петровичъ, началъ бабушка, въ письмѣ своемъ очень тебя рекомендуетъ, какъ челоѡка „тверёзаго“ и трудолюбиваго; однако отчего же ты отъ него отошелъ?

— Имъ, сударыня, въ ихъ хозяйствѣ другого качества люди нужны.

— Другого ... качества? Этого я что-то не понимаю. — Бабушка снова погремѣла чётками. — Яковъ Петровичъ мнѣ пишетъ, что за тобою двѣ странности водятся. Какія такія странности?

Бабуринъ легонько пожалъ плечами.

— Не могу знать, чтò имъ угодно было назвать странностями. Развѣ вотъ, что я ... тѣлеснаго наказанія не допускаю.

Бабушка удивилась. — Неужто-жъ Яковъ Петровичъ тебя наказывать хотѣлъ?

Темное лицо Бабурина покраснѣло до самыхъ волосъ.

— Не такъ вы изволили понять меня, сударыня. Я имѣю правиломъ не употреблять тѣлеснаго наказанія ... надъ крестьянами.

Бабушка удивилась больше прежняго, даже руки приподняла.

— А! промолвила она наконецъ, и нагнувши голову нѣсколько на бокъ, еще разъ пристально осмотрѣла Бабурина. — Это твое правило? Ну, это мнѣ совершенно все равно; я тебя не въ прикащики прочу, а въ конторщики, въ писцы. Подчеркъ у тебя каковъ?

— Пишу я хорошо-съ, безъ ошибокъ орфографическихъ.

— И это мнѣ все равно. Мнѣ — главное, чтобы чётко было, да безъ этихъ прописныхъ новыхъ

буквъ съ хвостами, которыхъ я не люблю. А какая твоя другая странность?

Бабуринъ появился на мѣстѣ, кашлянулъ...

— Быть можетъ ... господинъ помѣщикъ изволить намекать на то, что я не одинъ.

— Ты женатъ?

— Никакъ нѣтъ-съ ... но ...

Бабушка нахмурилась.

— Со мной живетъ одно лицо ... мужескаго пола ... товарищъ, убогій человѣкъ, съ которымъ я не расстаюсь ... вотъ уже, почитай, десятый годъ.

— Онъ твой родственникъ?

— Нѣтъ-съ, не родственникъ — товарищъ. Неудобствъ отъ него никакихъ по хозяйству произойти не можетъ, поспѣшилъ прибавить Бабуринъ, какъ-бы предупреждая возраженіе. — Живетъ онъ на моихъ харчахъ, помѣщается въ одной со мной комнатѣ; скорѣй пользу онъ должонъ принести, такъ какъ грамотѣ онъ обученъ, безъ лести сказать, въ совершенствѣ, и нравственность имѣетъ примѣрную.

Бабушка выслушала Бабурина, пожѣвывая губами и щурясь.

— Онъ на твоёмъ иждивеніи живетъ?

— На моемъ-съ.

— Ты его изъ милости содержишь?

— По справедливости ... такъ какъ бѣднаго человѣка обязанность есть — помогать другому бѣдному.

— Вотъ какъ! Впервые слышу. Я до сихъ поръ полагала, что это скорѣй обязанность богатыхъ людей.

— Для богатыхъ, осмѣлюсь доложить, это занятіе ... а для нашего брата ...

— Ну довольно, довольно, хорошо, перебила бабушка и, подумавъ немного, промолвила въ носъ, что всегда было дурнымъ знакомъ: — А какихъ онъ лѣтъ, твой нахлѣбникъ?

— Моихъ лѣтъ-съ.

— Твоихъ? — Я полагала, онъ твой воспитанникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; онъ мой товарищъ — и притомъ ...

— Довольно, вторично перебила бабушка. Ты, значить, филантропъ. Яковъ Петровичъ правъ: въ твоёмъ званіи — это странность большая. А теперь поговоримъ-ка о дѣлѣ. Я тебѣ растолкую, какія будутъ твои занятія. Да вотъ еще на счетъ жалованья. ... — *Que faites vous ici?* прибавила вдругъ бабушка, обративъ ко мнѣ свое сухое и желтое лицо. — *Allez étudier votre devoir de mythologie.*

Я вскочилъ, подошелъ къ бабушкиной ручкѣ и отправился, — не изучать миеологию, а просто въ садъ.

Садъ въ бабушкиномъ имѣніи былъ очень старъ и великъ, и заканчивался съ одной стороны проточнымъ прудомъ, въ которомъ не только водились караси и пескари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче почти вездѣ исчезнувшіе гольцы. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, тёрна, проросшіе снизу верескомъ и зорей. Тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада — и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, потаенныя мѣстечки, извѣстныя, такъ по крайней мѣрѣ я воображалъ! — только мнѣ одному. Вышедши изъ бабушкинаго кабинета, я прямо отправился въ одно изъ тѣхъ мѣстечекъ, прозванное мною „Швейцаріей“. Но каково было мое изумленіе, когда, еще не добравшись до „Швейцаріи“, я сквозь частый переплетъ полузасохшихъ прутьевъ и зеленыхъ вѣтвей увидаль, что кто-то открылъ ее кромѣ меня! Какая-то длинная-длин-

ная фигура, въ желтомъ фризовомъ балахонѣ и высокомъ картузѣ, стояла на самомъ облюбованномъ мною мѣстечкѣ! Я подкрался поближе и разглядѣлъ лицо, совершенно мнѣ незнакомое, тоже предлинное, мягкое, безбородое, съ небольшими красноватыми глазками и презабавнымъ носомъ: вытянутый, какъ стручокъ, онъ точно повисъ надъ пухлыми губками; и эти губки, изрѣдка вздрагивая и округляясь, издавали тонкій свистъ, между тѣмъ какъ длинные пальцы костлявыхъ рукъ, поставленныя дружка противъ дружки на вышинѣ груди, проворно двигались круговращательнымъ движеніемъ. Время отъ времени движеніе рукъ замирало, губы переставали свистать и вздрагивать, голова наклонялась впередъ, какъ-бы прислушиваясь. Я подошелъ еще поближе, взглянулъ еще внимательнѣе. ... Незнакомецъ держалъ въ каждой рукѣ по небольшой плоской чашечкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыми дразнить и заставляютъ пѣть канареекъ. Сукъ хруснулъ у меня подъ ногою; незнакомецъ дрогнулъ, устремилъ свои слѣпыя глазѣнки въ чашу и попятился было ... да надкнулся на дерево, охнулъ и остановился.

Я вышелъ на полянку. Незнакомецъ улыбнулся.

— Здравствуйте, промолвилъ я.

— Здравствуйте, барчукъ!